Текст · 1 августа 2019, 08:19
Дмитрий Швец,

«Нива» с приколами. Как трое кубанских полицейских оказались на скамье подсудимых из-за бумажки, похожей на тысячу рублей

В Краснодарском крае троих полицейских судят за превышение полномочий при задержании предполагаемых шантажистов, которые требовали у них 200 тысяч рублей, угрожая опубликовать компрометирующую запись. При этом потерпевшие утверждают, что не занимались вымогательством, а только просили вернуть деньги, украденные патрульными из их машины.

Утренний тупняк, сквозняк в машине и вороватый напарник

Суточное дежурство у патрульных полицейских заканчивается в восемь утра. 24 октября 2017 года примерно за полтора часа до окончания смены патрульному Андрею Яшкову и его молодому напарнику Максиму Збежневу из Туапсе сообщили, что в дежурную часть поступил звонок — кто-то заметил белую «Ниву» с настежь открытыми дверями.

Прибыв по вызову, полицейские обнаружили возле одного из частных домов похожий автомобиль, но его двери были закрыты.

Яшков говорит, что с виду машина не показалась ему подозрительной, но поскольку поступил вызов, проверку нужно было провести. Из приоткрытых окон доносилась песня Сергея Наговицына «Потерянный край», на водительском месте спал молодой мужчина, по салону были раскиданы бутылки и купюры.

Разбудить водителя не удавалось; Яшков говорит, что перезвонил в дежурную часть — узнать телефонный номер человека, который сообщил о «Ниве». Там ему ответили, что заявитель оставил для связи второй номер — не тот, с которого звонил.

Полицейский набрал его, но телефон оказался выключен. Тогда патрульные продолжили будить человека в «Ниве», открыли двери и, громко ругаясь, стали тормошить его, а тот бормотал сквозь сон ответные ругательства.

Когда мужчина наконец проснулся, он объяснил, что документов на машину у него нет, потому что «по ходу братуха их ******* [украл]», предложил патрульным коньяка и назвался бывшим сотрудником полиции.

Документы, впрочем, скоро нашлись, и водитель вышел из машины поговорить с Яшковым. Збежнев же, поглядывая в сторону напарника, утащил из салона банкноту, напоминающую тысячерублевую — сперва незаметно переложил ее подальше от водительского кресла, потом уронил под сиденье, но с третьей попытки преуспел. Он не догадывался, что всю эту неловкую сцену снимал видеорегистратор, установленный в задней части салона. Сейчас

Збежнев уверяет, что «не знает и не помнит», зачем взял банкноту, но настаивает, что потом отдал ее хозяину.

Видео на YouTube
YouTube
Белая «Нива» в Туапсе 24 10 17
@mz-video
https://youtu.be/b-T8hylodbs

Видео предоставлено адвокатом Максима Соловьева

Яшков тем временем выслушивал историю заспанного мужчины — тот якобы направлялся с братом в Новороссийск, по дороге они завернули к приятелю в Туапсе, напились и поругались. Закончив опрос, патрульный поехал в ОВД сдавать смену, а потом домой — отдыхать после дежурства.

Но выспаться ему не удалось: на телефон Яшкова стали настойчиво звонить с незнакомого номера, а когда он наконец ответил, голос в трубке уточнил, тот ли это Андрей Яшков, который выезжал сегодня к подозрительной «Ниве».

«У него появились мои установочные данные, хотя этот телефон был только у сотрудников по работе», — вспоминает полицейский. Неизвестный собеседник просил его срочно приехать в центр города, обещая все подробности рассказать при встрече.

На Платановой аллее, где была назначена встреча, ждали двое молодых людей — тот, что спал в «Ниве», и незнакомец. С собой у них был ноутбук, на экране

которого, по словам Яшкова, ему показали короткий фрагмент записи с регистратора. Было видно, как его напарник забирает из машины купюру.

«Я опешил и удивился», — говорит полицейский. Люди с ноутбуком предложили ему для начала поговорить со Збежневым и оставили телефонный номер для связи. Напарник, оправдываясь, уверял, будто заметил, как сквозняк разносит по салону банкноты, поднял одну — чтобы не улетела — и отдал ее водителю «Нивы», пока Яшков заполнял документы. По словам Збежнева, хозяин потом просто выкинул бумажку — оказалось, что это не тысяча рублей, а купюра «банка приколов».

Через десять минут молодые люди сами перезвонили Яшкову. По его словам, разговор состоялся примерно такой.

— Ты с напарником виделся?

— Виделся.

— Ну и чего говорит?

— Он же вернул тебе эту купюру.

— Ну ты видеозапись видел? Я сейчас могу сказать, что у меня таких купюр была не одна, а двести. Вы у меня двести взяли — двести мне и верните.

«Я в такую наглость не поверил, не понял даже. Я после суток еще на таком тупняке, я сначала даже не мог вкурить, что происходит, говорю, слушайте, ребят, мы никаких денег не брали, чего вы херней

начинаете заниматься? Сбросил звонок и уехал домой», — вспоминает полицейский.

«Комбат, ты зря это сделал сейчас»

Весь день Яшкову звонили, но он не брал трубку. Утром 25 октября полицейский рассказал о требованиях шантажистов своему начальнику — командиру батальона ППС Максиму Соловьеву.

Соловьев вспоминает, что вечером, когда он еще был на работе, ему позвонили с проходной и доложили о посетителях — тех самых молодых людях, которые до этого говорили с Яшковым на Платановой аллее. Втроем они отправились в кафе «Маяк» по соседству с отделом.

«Говорят, что ваши сотрудники приезжали на вызов, пропали 200 тысяч. Я говорю, откуда деньги? Начинаю задавать наводящие вопросы, у меня стаж работы с 2003 года оперативником и пэпээсником. Откуда деньги, куда ехали? Понимаю, что они говорят неправду, — пересказывает Соловьев разговор в "Маяке". — На вопрос, откуда у вас такая сумма денег, люди начинают говорить, что они заехали в банкомат и сняли деньги. В каком банкомате сняли деньги? Ну, в Архипо-Осиповке. Где конкретно, есть адрес, кафе там рядом? Ну, мы не помним. Чек есть? Чека нет. Куда вы его дели? Ну нет чека, командир. Ну ладно, куда ехали с такой суммой денег ночью? В Краснодар. А каким образом очутились в Туапсе? Ну очутились в Туапсе, приехали к другу, решили чуть-чуть попить... Получается, вы ехали, сняли с карточки жены деньги, потом поехали отвозить ей в роддом — она рожать должна была со дня на день —

чтобы доктору или кому-то там отдать эти деньги, в итоге оказались в Туапсе совсем в другой стороне, побухали, почему-то брат и товарищ ушли каким-то образом, а один остался спать в машине, и потом приехали мои сотрудники и украли 200 тысяч у них из автомобиля».

Иллюстрация: Ольга Аверинова / Медиазона

Видеозапись, на которой Збежнев тайком берет из машины купюру, Соловьева тоже не убедила. Под конец встречи молодые люди стали говорить, что если командир батальона за два дня не найдет деньги, то они опубликуют съемку, «похоронят» его вместе с подчиненными и «прославят на всю страну».

При этом обращаться в полицию официально, подчеркивает Соловьев, двое якобы пострадавших от действий патруля не захотели. «Пацаны, пойдемте напишем заявление по-хорошему, пройдем проверку, если это подтвердится — вопросов нет. Но вы сейчас на ровном месте пытаетесь мне в уши надуть, что тут что-то произошло. Пойдемте? Нет? Ну, нет так нет», — вспоминает командир батальона встречу в кафе.

Позже его собеседники будут утверждать, что в «Маяке» они только пожаловались на пропажу крупной суммы и показали видео, а полицейский сам пообещал отдать деньги через два дня.

Однако Соловьев после встречи проверил «Ниву» через базу данных камер дорожного наблюдения и

выяснил, что в Туапсе она въехала меньше, чем за час до того, как в дежурную часть поступил вызов, причем находились в машине два человека.

Тогда командир батальона предположил, что молодые люди — аферисты, работающие по оригинальной схеме: один звонит в полицию и просит проверить якобы брошенный автомобиль, а второй изображает пьяного в надежде, что силовики чем-нибудь скомпрометируют себя перед камерой регистратора.

Соловьев доложил о происшествии временно исполняющему обязанности главы туапсинского ОМВД Александру Карпову, тот связался с руководством из Краснодара и получил разрешение на оперативную разработку приезжих.

Встречу назначили на вечер 27 октября на автовокзале в поселке Джубга. Соловьев поехал туда в сопровождении оперативников районного отдела экономической безопасности и противодействия коррупции (ОЭБиПК) и краевого управления собственной безопасности. Полицейский взял с собой собственные 200 тысяч рублей.

Сразу после передачи этих денег приехавших на встречу молодых людей задержали, неподалеку оперативники нашли припаркованную белую «Ниву». В протоколе осмотра места происшествия говорится, что рядом с машиной в луже лежали две купюры «банка приколов».

Видео на YouTube

YouTube

Видео предоставлено адвокатом Максима Соловьева

@Медиазона

https://youtu.be/KAjkYF8tNgI

Видео предоставлено адвокатом Максима Соловьева

Со слов Соловьева, на протяжении примерно полутора часов задержанные представлялись разными именами. Полицейские не могли установить их личности, «пока не стали выворачивать карманы, то, се, [проводить] осмотр места происшествия, автомобиля». Наконец выяснилось, что спавшего в «Ниве» мужчину зовут Петр Вязников, а его компаньона — Николай Морозов; двоюродным братьям, зарегистрированным в Новороссийске, на тот момент было по 28 лет. По сведениям оперативников, раньше Вязникова и Морозова знали под другими фамилиями, да и «Нива» была оформлена на постороннего человека.

«Когда мы их задерживали, они пытались либо решить вопрос за деньги, либо они называли фамилии прокуроров — [прокурор Геленджика Дмитрия] Тимошенко, [Евгений] Чупров, это заместитель прокурора Краснодарского края... Говорили, комбат, ты зря это сделал сейчас, ну дал бы нам бабок — все бы закончилось», — уверяет Соловьев.

Когда силовики вернулись в отдел, следователь МВД, которая должна была принять решение о возбуждении уголовного дела, отправилась домой переодеваться, потому что промокла под дождем. Пока ее не было, рассказывает Соловьев, начальник местного ОЭБиПК Вячеслав Соколов сказал, что связался с и.о. главы отдела Карповым, который

распорядился для начала оформить на задержанных протоколы по статье 19.3 КоАП (неповиновение законному распоряжению полицейского).

«У нас все основания есть — неповиновение конкретное было! Данные установить не могли, ничего не могли, видно было, что они накуренные, в неадекватном состоянии находились — постоянно ходили, нужно было ограничивать их движения, потому что вели себя очень неадекватно, — вспоминает командир батальона. — Морозова было невозможно усадить, ему нужно было постоянно ехать, идти, уходить, а Вязникова постоянно держали».

Соловьев утверждает, что в ту ночь только написал рапорт об обстоятельствах задержания Вязникова и Морозова, дальнейшее производство по административному материалу поручил подчиненным и тут же отвлекся на другие дела — у него было суточное дежурство.

Ночью задержанных свозили на медицинское освидетельствование, и у Морозова в крови обнаружили следы каннабиноидов[1]. По дороге в диспансер выяснилось, что один из сопровождавших их патрульных, Алексей Качалко, был одноклассником Морозова — тот жаловался старому знакомому на произвол и обещал подать заявление.

Поддельные подписи, заочные понятые, протоколы на покойников

«Утром я сходил на совещание. Все нормально, людьми там занимаются, — говорит Соловьев. — Оказывается потом, [что исполняющий обязанности главы ОВД] Карпов позвонил в суд, договорился, чтоб этим людям дали максимально, сколько возможно по административке, чтобы сотрудники ОЭБиПК поработали с ними в условиях спецприемника. Ну, с целью, понимаете, добытия информации на причастность [к преступлениям] в других районах или аналогичным преступлениям. Договорились и договорились, люди сидят».

Действительно, на следующий день, 28 октября, судья Туапсинского районнного суда Иван Твердов назначил Вязникову и Морозову по десять суток административного ареста. Со слов Соловьева, 3 ноября ему рассказали, что задержанные отказались давать какие-либо показания. В тот же день он увидел, как Морозов и Вязников выходят из спецприемника в сопровождении сотрудников прокуратуры.

Выяснилось, что Краснодарский краевой суд отменил постановления об их аресте, причем об этом просили не только сами задержанные, но и помощник туапсинского межрайонного прокурора Павлиди. Суд согласился с его доводами и решил, что в действиях Морозова и Вязникова не было состава правонарушения по статье 19.3 КоАП.

В ноябре полицейских, которые участвовали в задержании молодых людей и оформлении протоколов, стали вызывать в прокуратуру в рамках проверки, которая затем привела к возбуждению уголовного дела по статье 286 УК (превышение должностных полномочий).

По версии следствия, Соловьев через своего заместителя Ивана Юшкова приказал командиру отделения Александру Сандрову оформить протоколы задержания от лица помощника оперативного дежурного Громыко, а протоколы о личном досмотре и об административных правонарушениях — от лица заместителя командира взвода Артема Михайлова. Оба — Михайлов и Громыко — служат в отделе полиции в Джубге.

При этом, считает следствие, Сандров расписался в протоколах за джубгинских полицейских и за понятых, а задержанным бумаги не показал. В результате фальсификации документов, решили в СК, Вязников и Морозов, не совершившие никакого правонарушения, были незаконно арестованы.

> Ни один из участников и очевидцев событий 27 октября никогда не утверждал, что при задержании и досмотре Морозова и Вязникова вообще присутствовали понятые. Согласно показаниям командира роты ППС Ефрема Немченко, в тот вечер у автовокзала в Джубге он встретил Соловьева, который потребовал, чтобы он нашел понятых. Немченко никого не нашел и отправился домой спать, но позже ему позвонил

замкомбата Юшков, который снова распорядился «дать» понятых.

«Его просьбу он [Немченко] понял, как дать анкетные данные кого-нибудь из местных жителей. Через несколько минут он перезвонил Юшкову и назвал ему данные своих соседей Тахмазьяна Вартана и Терзьяна Матвея, которые являются его знакомыми. При этом он не знал, как именно Юшков хотел использовать эти сведения, поскольку на его вопросы он не отвечал. После этого разговора он лег спать», — пересказываются воспоминания Немченко в протоколе его допроса. Терзьян и Тахмазьян скажут следователю, что случайно стали очевидцами задержания на автовокзале, когда ждали там посылку, но с полицейскими не говорили.

Позже Немченко дал другие показания, сказав, что во время первого допроса был очень уставшим. Почерковедческая экспертиза, проведенная по заказу защиты полицейских, установит, что за обоих понятых расписался не Сандров, а инспектор ППС Заур Напсо.

Подозреваемыми по делу о превышении полномочий со временем стали Соловьев, Юшков и Сандров. Из них подтверждает версию следствия только Сандров, который, впрочем, не признает за собой вины, настаивая, что просто выполнял приказ. Он также уверяет, что не ставил подписи в документах за других полицейских и понятых, а кто это сделал, Сандров не знает.

По его словам, в тот вечер он нес дежурство с коллегой и будущей женой Люсини Качмазовой и казаком-дружинником Сергеем Корягиным. Юшков

вызвал его в отдел и приказал составить протоколы от лица джубгинских коллег — по месту совершения правонарушения. Как утверждает Сандров, ему сказали заполнить все документы без подписей, пообещав, что их потом проставят полицейские из Джубги.

Соловьев сейчас настаивает, что в подобной подтасовке не было необходимости — составить протокол могли в любом ОВД Туапсинского района, а почему Сандров вписал в документ фамилии именно джубгинских полицейских, комбат не знает. Он предполагает, что его подчиненный «мог накосячить, а чтобы не переписывать протокол, решил — да уже так заполню от него, а там потом что-нибудь придумаю». Возможно, считает Соловьев, Сандров испугался высокопоставленных прокуроров, на знакомство с которыми намекали задержанные.

Бывшие коллеги теперь не слишком тепло отзываются о Сандрове, уверяя, что он не раз попадался на фальсифицикации документов. Так, Яшков рассказывает, а Соловьев подтверждает, будто однажды выяснилось, что Сандров ходил по кладбищу и выписывал протоколы на имена покойников, а потом сам же оплачивал штрафы, чтобы улучшить свои статистические показатели. Соловьев на вопрос о том, почему он не избавился от такого сотрудника, отвечает: из жалости.

«Я когда пришел командиром, я сказал, чтобы у меня этого человека в батальоне не было. Но у меня был хороший товарищ, которого я сделал своим заместителем, и в итоге он тут накосячил и перевелся — ну, дай бог ему здоровья. Он за него

конкретно у меня и просил. Он работал у меня в Небуге в Туапсинском районе, здесь недалеко, он его притащил сюда, в город, и говорил — вот, он [Сандров] будет под моим контролем, я всегда за ним буду проверять протоколы, он все будет четко делать, послушает все, он без родителей, без того-сего, надо человеку помочь, пойти на уступки, ну пойми, я за него ручаюсь. В итоге я сжалился и говорю — ладно», — рассказывает бывший комбат.

Соловьева после возбуждения дела сначала оставили под подпиской о невыезде, а в июне 2018 года, по его словам, вызвали к следователю, чтобы вернуть ему 200 тысяч рублей, использованные в операции по задержанию Вязникова и Морозова. Там выяснилось, что комбата объявили в розыск; его задержали и арестовали на месяц, поскольку он якобы пытался скрыться. Однако краевой суд сначала перевел его под домашний арест, а на апелляции по продлению меры пресечения и вовсе отпустил под залог.

В постановлении об освобождении полицейского из СИЗО говорится: «Суд приходит к убеждению, что обвиняемый Соловьев объявлен в розыск с единственной целью — получить основания для заключения его под стражу с целью психологического и морального воздействия на него».

«Немножко развязали руки, спасибо, я смог летать, передвигаться — а то б это мне все усложнило очень сильно», — признает полицейский.

Иллюстрация: Ольга Аверинова / Медиазона

Бывший оперативник (таких не бывает) и его адвокат наводят справки о потерпевших

Когда начались проверки, Соловьев стал самостоятельно наводить справки о Морозове и Вязникове.

«Бывших оперативников не бывает, я с 2003 года работаю на улице, у меня много знакомых, много друзей различных, я общаюсь, мир не без добрых людей, поэтому мир мне по чуть-чуть приносил информацию, — уклончиво говорит полицейский. — Я поехал в ближайшие районы и узнал, что не только в Туапсинском районе это было. Была информация по биллингу, я сопоставил номера, видел, как они меняли сим-карты, и она пока подтвердилась в двух районах».

Эти данные стал проверять адвокат Соловьева Дмитрий Мишин. В полиции города Горячий Ключ юристу сообщили, что за сутки до вызова в Туапсе, в 06:42 23 октября, в дежурную часть поступил звонок о подозрительной «Ниве». К машине направили наряд, но больше ничего не произошло.

Кроме того, Мишин опросил двоих полицейских из города Абинск, которые рассказали историю, очень похожую на ту, что произошла в Туапсе.

С их слов, утром 21 октября, тоже за пару часов до окончания суточного дежурства, патрульных отправили проверить «Ниву», из которой, со слов анонимного заявителя, доносилась громкая музыка. На месте полицейские обнаружили спящего в машине человека, которого они не смогли разбудить, и их коллега Артем Куликов принялся искать в салоне документы и нашел борсетку с карточкой-заместителем[2]. Вдруг спящий проснулся, сказал, что все хорошо и уехал, а вечером Куликову позвонили и показали запись, на которой видно, что он копается в борсетке спящего.

Полицейские утверждают, что их обвинили в пропаже шести тысяч рублей и потребовали по 100 тысяч с каждого, но на угрозы поддался только Куликов, который попал на видео. С самим Куликовым адвокат Мишин не поговорил: через 10 дней после происшествия его насмерть сбил мотоциклист. Очевидцы тех событий, коллеги Куликова — Николай Гудков и Александр Кривошеев — обсуждать с «Медиазоной» эту историю отказались, но не стали отрицать ни сам инцидент, ни гибель сослуживца.

Уголовное дело в отношении полицейских прокуратура и суд несколько раз возвращали на доследование, но 30 июля в Туапсинском городском суде наконец состоялось первое заседание; прокурор зачитал обвинительное заключение.

Соловьев обвиняется в организации превышения полномочий (часть 3 статьи 33 УК, часть 1 статьи 286), Юшков — в пособничестве превышению (часть 5 статьи 33, часть 1 статьи 286), Сандров — просто

в превышении (часть 1 статьи 286), ему также предъявлено обвинение в служебном подлоге (часть 1 статьи 292).

Полицейский Михайлов, от имени которого составлялись административные протоколы на задержанных молодых людей, поначалу подтверждал свое авторство, но позже заявил, что сказал неправду по требованию Соловьева. Он, впрочем, далеко не единственный свидетель, кто изменил показания.

На ключевой для уголовного дела вопрос — действительно ли Вязников и Морозов не повиновались полицейским при задержании — разные очевидцы в разное время отвечали по-разному. Так или иначе, трое оперативников ОЭБиПК в рамках проверки, которую проводило главное управление собственной безопасности МВД, пришли к выводу, что задержанные молодые люди и правда совершили правонарушение.

При этом, говорит Соловьев, с полицейских компьютеров раньше положенного времени оказалась удалена запись вызова о подозрительной «Ниве» — об этом свидетельствует акт уничтожения записей, подписанный Александром Павликом, на тот момент — начальником ОВД. При этом сам Павлик уверяет, что на акте стоит не его подпись. Пропадали, по словам командира батальона, и другие документы, связанные с делом.

Соловьев называет себя жертвой интриг начальника туапсинской полиции Василия Виниченко, который якобы предлагал командиру ППС заняться сбором

денег с торговцев, а, получив отказ, решил устранить несговорчивого офицера.

Всех троих обвиняемых полицейских на время расследования отстранили от службы, но увольнять из МВД поначалу не стали. «Отпуск, больничный, отпуск, могу на день-два прийти на работу, пошататься», — рассказывает Соловьев. Юшкова уволили уже в 2019 году из-за прогула; по его словам, ему не засчитали больничный. Обязанности командира батальона ППС и его заместителя сейчас исполняют другие люди, по словам Соловьева — близкие к Виниченко.

Вязников и Морозов проходят потерпевшими по делу о превышении полномочий, одновременно они — подозреваемые по делу о вымогательстве, совершенном группой лиц (пункт «а» части 2 статьи 163 УК). Дело было возбуждено в январе 2018 года, расследование неоднократно приостанавливалось и возобновлялось; полицейские Яшков и Збежнев выражали уверенность, что оно так ничем и не закончится. Кроме вымогательства Вязников подозревается в даче заведомо ложных показаний (часть 1 статьи 307 УК) из-за того, что на допросе рассказал о краже 200 тысяч рублей.

Вязников в июле говорил «Медиазоне», что стал жертвой полицейского произвола, пытаясь вернуть украденные деньги. Морозов от разговора с корреспондентом отказался.

28 июля Туапсинский городской суд арестовал обоих на два месяца, причем следователь ссылался на полученные от ФСБ данные о том,

что подозреваемые могут быть причастны к аналогичным преступлениям в Абинске и Горячем Ключе.

Редактор: Дмитрий Ткачев

Исправлено в 15:10. *В статье была неверно указана причина увольнения Юшкова.*

Обновлено в 15:40. *Добавлена информация об изменившихся показаниях Немченко.*

---

1. Позже административное дело за употребление наркотиков (статья 6.9 КоАП) прекратит оперуполномоченный отдела наркоконтроля ОМВД по Туапсинскому району Айвазьян, сославшись на то, что не может найти Морозова. Полицейского за это привлекут к дисциплинарной ответственности — объявят замечание.
2. Документ, который в МВД и других силовых структурах оформляется при выдаче сотруднику табельного оружия и боеприпасов.